

КРИТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 070.41

Метаконцепт «язык» в газетной публицистике В. Распутина конца 1980-х — начала 1990-х годов: когнитивно-праксиологический аспект

Т. Д. Романцова

Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664025, Иркутск, ул. Ленина, 8

Для цитирования: Романцова, Т. Д. (2021). Метаконцепт «язык» в газетной публицистике В. Распутина конца 1980-х — начала 1990-х гг.: когнитивно-праксиологический аспект. *Медиалингвистика*, 8 (3), 219–236. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.302>

В исследовании манифестанты метаконцепта «язык» проблемных статей и очерков В. Распутина эпохи перестройки соотнесены с системой национально-духовных ценностей, описаны в связи с проблематикой публикаций, авторскими интенциями, форматом газеты «Литературный Иркутск» Иркутской областной писательской организации. Отмечено, что в связи с просветительскими, идеологическими, духосозидательными установками автора и корпоративного издания репрезентанты метаконцепта «язык» включены в историко-философскую, церковно-религиозную, национально-культурную аналитику и художественную публицистику В. Распутина следующим образом: 1) концептуально важные для авторской публицистики ментальные сущности метонимически объективированы с помощью концептов «слово» и «речь»; 2) детализация и объективация философских, нравственных установок автора произведена посредством сопряжения ядерных, приядерных и периферийных областей концептов «слово», «язык» с образами вещного мира и явлениями социальной сферы; 3) включение духовного пространства в сознание читателя и национальную картину мира, устройство метафизических коммуникативно-семиотических систем, моделирование иноческого языка создано с помощью концепта «язык»; 4) самосознание и идейные поиски социума, интеллект и духовная культура народа, его творческие достижения, идейные установки метонимически и метафорически соотнесены с концептом «звук». С праксиологических позиций оценены авторские коммуникативно-стилистические приемы, прагматически ориентированные редакционные технологии: подбор редакционного коллектива, система ротации редакторов-составителей. Показано, что модель совместного поиска ценностных ориентиров публикой, публицистом и изданием

увеличила когнитивный потенциал газетных материалов, укрепила доверие читателя к местной корпоративной прессе.

Ключевые слова: публицистика, В. Распутин, концепт, *Литературный Иркутск*, праксиология.

История вопроса

Публицистика заняла центральное место в творчестве Валентина Распутина в конце 1980-х — начале 1990-х годов, в период глобального государственно-политического слома, потери идейно-нравственных ориентиров. Проблемные статьи, очерки публициста выходили в Москве, Новосибирске, Иркутске («Наш современник», «Восточно-Сибирская правда», «Сибирские огни»), его выступления звучали на знаковых отечественных форумах — Международных Рождественских образовательных чтениях, Всемирном русском народном соборе. Аналитика В. Распутина в это время активно публиковалась на корпоративной площадке, нестандартной для трансляции православных и патриотических идей, — в газете «Литературный Иркутск» (далее ЛИ) Иркутского отделения Союза писателей РСФСР (с ноября 1988 по апрель 1991 г. и с апреля 1992 по июль 1993 г. — Иркутской писательской организации, с апреля 1991 по апрель 1992 г. — Иркутского отделения Союза писателей России).

«Литературный Иркутск» одним из первых среди отечественных СМИ заговорил с россиянами о важнейших и сложнейших вопросах: месте христианства в славянской и отечественной истории, о славянской письменности и культуре, русской народности, русском зарубежье, христианском браке и семье, русском национализме, российском патриотизме, русской национальной идее.

Успех ЛИ принесли не только верное попадание в актуальную проблематику, удачный подбор редакционного коллектива, разнообразие тактико-стратегических редакторских коммуникативных схем. Важную роль сыграла горячая поддержка ЛИ В. Г. Распутиным, его участие в составлении и редактировании четырех номеров ЛИ из двадцати шести, просветительская глубина, диалогичность распутинской аналитики, доверительная тональность нехудожественной прозы, начинавшей путь к широкому читателю часто именно со страниц ЛИ.

В период политического и государственного переустройства, потери обществом идеологических и нравственных ориентиров остро актуальной в аналитике В. Распутина становится этнокультурная, социально-историческая, церковно-религиозная предметность. В проблемных статьях и очерках системообразующими концептуальными универсалиями становятся нация [Распутин 1992б; Распутин 1990а; Распутин 1989в; Распутин 1993], история [Распутин 1990б; Распутин 1988б], православие [Распутин 1990б; Распутин 1988б; Распутин 1989б], патриотизм [Распутин 1990в; Распутин 1988а], культура [Распутин 1989а], государство [Распутин 1992а; Распутин 1989г]. Названные доминанты национально-исторической, социально-культурной, религиозно-философской рефлексии публициста объективировались, получили «языковое выражение» [Попова, Стернин 2003: 39] в концептах «слово», «язык», «звук», «речь» — репрезентантах общекультурного концепта «язык», «титulyного для любой картины мира» [Пекарская 2010: 41].

Постановка проблемы

Концепт «язык» получил разработку в когнитивной и компаративной лингвистике, лингвопсихологии, культурологии, межкультурной коммуникации, медиалингвистике. Д. Ю. Полиниченко исследовал вербализацию «лингвокультурного семиотического концепта “язык”» с помощью лексических, фразеологических и паремиологических единиц в русском и английском языках [Полиниченко 2004], чуть позже на основе своего диссертационного исследования оформил статью «Язык» для восьмитомника «Антология концептов» [Полиниченко 2005]. В этом же многотомном труде опубликованы статьи о концепте «родной язык» [Милованов 2006], концепте «русский язык» [Тавдгиридзе, Стернин 2006]. Воссоздание языковой картины мира через концепт «язык», задействованный в русской паремиологии, предпринято И. В. Пекарской [Пекарская 2010]. Место концептов «язык — тил», «слово — сөз» и «речь — кеп» в картине мира носителей индоевропейских, древнетюркских и современного кыргызского языка определено К. Саматовым [Саматов 2018].

Исследованы особенности объективации концепта «язык» в институциональных дискурсах учителей и школьников, философов, поэтов, писателей [Абрамова 2009; Боровкова 2008; Вылегжанина, Кусова 2014; Жуйкова 2017; Смирнова 2017; Плотников 2018; Федоров 2015]. Соотношению концепта «речь» с концептами «язык», «голос», «тон», «слово» в языковой и научной картинах мира посвящена работа М. С. Гутовской [Гутовская 2007]. Медийный потенциал концепта «язык» в аспекте когнитивных классификационных признаков «государственный» и «национальный» описан в работах о газетном дискурсе Республики Коми [Исакова 2016], центральных и региональных новостных СМИ Белоруссии [Тубалова, Эмер 2016].

Концепты художественной прозы В. Распутина «душа», «совесть», «творчество», «родная земля», «вода», «земля», «радость» довольно широко представлены в работах последних двух десятилетий. Концепт «язык» в этом списке занимает довольно скромное место. Отчасти изучению концепта «язык» в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» посвящена работа [Костина 2005]. Исследователь рассматривает концепт «(русское) слово» в лингвокультурологическом и теоантропокосмическом аспектах и соотносит «(русское) слово» с концептом «язык». Вместе с тем концепт «язык» в публицистике В. Распутина, насколько нам известно, не был специальным объектом научного рассмотрения, хотя роль концепции языка и культуры в формировании мировоззренческой системы писателя убедительно продемонстрирована [Каминский 2012].

Представляется, что концепт «язык» в аналитике В. Распутина резонно рассматривать как «метаконцепт» — «единицу ментальной и вербальной репрезентации культурного опыта» [Слышкин 2004: 1], вторичный концепт по отношению к первичному, существующему в сознании носителя языка «как семиотическое образование». Во вторичные концепты — метаконцепты «язык», «текст», «жанр» — «входят фактуальные знания, рефлекслируемые умения, ценностные ориентации и стереотипы, касающиеся языковой системы и коммуникативного процесса» [Слышкин 2004: 15]. Несомненно, сумма представлений о языке, сложившаяся в сознании всемирно известного писателя, человека с высшим филологическим образованием и большой журналистской практикой, предполагает знаковую включенность язы-

ковой предметности в субъектную картину мира. Предполагаем, что семиотическая сущность концепта «язык» к концу 1980-х — началу 1990-х годов значительно усложняется, приобретая новое наполнение при конвергенции с концептуальными полями религиозной, философской, социальной, историко-культурной сфер, в тесном сближении с которыми шло рациональное осмысление публицистом идеологических и политических проблем.

Сложная структурированность концепта «язык» в нехудожественной прозе В. Распутина, разветвленные связи каждого из репрезентантов концепта с множественными онтологическими референтами национальной истории, философии, культуры, религии служат основанием для введения термина «метаконцепт» в научный аппарат исследования. Кроме того, особый авторский механизм трансляции репрезентантов институционально осмысленного, накопившего прагматико-коммуникативный объяснительный потенциал метаконцепта «язык» в лингвокультурную сферу читателя, как представляется, возможно описать объективно, опираясь на термин, предложенный Г. Г. Слышкиным.

Статьи и очерки, возникшие в эпоху «чрезвычайных обстоятельств, при которых концептосфера языка <...> может резко сократиться» [Лихачев 1999], описывали и объясняли эти чрезвычайные обстоятельства, используя образность «сокращающейся» концептосферы языка. Избранная В. Распутиным методология интенционально призвана активизировать пространство социальных когний читателя в перестройку и постперестроечное время. Идея патриотизма и связанные с нею вопросы национального и государственного самоопределения, этнической самобытности являлись настолько «сложным семантическим образованием», что ввести их в когнитивное поле современника было целесообразно, опираясь не только на эмоционально-аксиологические переживания и праксиологические императивы, но главным образом на «предметную семантику нации» — «территорию, язык, культуру, население» [Воркачев 2008: 95]. Представляется, что само ощущение, понимание В. Распутиным феномена языка в перестроечной публицистике можно условно определить как «метаконцептуальное», поскольку язык им «осмысляется как “имя нации” — средоточие народной субстанциальности и условие бытия народа <...> средство поддержания преемственности нации в поколениях», является для него «средством выражения души русского человека, вербализации процессов, происходящих в ней — “национальной самовыговариваемостью”» [Каминский 2012: 128–129].

Цель исследования — рассмотреть когнитивный и праксиологический потенциал репрезентантов метаконцепта «язык» в проблемных статьях и очерках В. Распутина, опубликованных ЛИ.

Объектом исследования стали двенадцать проблемных статей и очерков о национальной культуре, истории России, русском православии и государственности. Членами редакционного коллектива ЛИ, с июня 1988 г. поменявшего редакционную политику и проблематику, но оставшегося в рамках писательской корпорации, были высшие духовные лица Иркутской епархии — архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом, затем архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим, литераторы Валентина Сидоренко, Анатолий Байбородин, Василий Козлов, Ростислав Филиппов, Станислав Китайский, Валерий Хайрюзов, ученые и общественные деятели Рюрик Саляев, Валентина Семенова.

Предмет исследования — лингвостилистическая объективация репрезентантов метаконцепта «язык», эффективно сопряженная в перестроечной аналитике В. Распутина с важнейшими духовными и культурными ценностями нации.

Методы

В публицистике периода ЛИ методом сплошной выборки на базе критерия частотности лексических повторов определены концепты, структурирующие метаконцепт «язык». Репрезентанты метаконцепта подвергнуты лингвокогнитивному анализу: лексико-семантический подход дал возможность выделить этимологические компоненты и дефиниционные признаки концептов на основе лексикографической базы, прагматилистический анализ публикаций позволил выявить периферийные (интерпретационные) смыслы, получившие иллюстративную и объяснительную нагрузку. Метонимический способ репрезентации понятий, доминантных для авторской аналитики конца 1980-х — начала 1990-х годов, характерный для идиостиля В. Распутина и косвенно отразившийся на читательском интересе к ЛИ, рассмотрен в аспекте праксиологии.

Анализ материала

Проанализируем концепты «слово», «язык», «звук», «речь», объективировавшие метаконцепт «язык» в двенадцати авторских публикациях ЛИ. Очередность рассмотрения концептов определим в соответствии с частотностью употребления (соответственно 42, 17, 8, 3) «ключевых слов» концепта: лексем «слово», «язык», «звук», «речь» в разных предложно-падежных и числовых вариантах.

Концепт **слово** — ключевой манифестант метаконцепта «язык» в публицистике В. Распутина периода ЛИ — этимологически отправляет к нескольким смысловым компонентам лексемы «слово» в древнерусском языке: «слово», «дар речи», «смысл», «поучение», «письмо». Древние компоненты семантики концепта, связанные с семемами «слово» и «смысл», обнаруживаются при оценке нарушений человеком экологического природного равновесия: *Как назвать, из какого словаря добыть слова для обозначения грабежа и убийства еще не родившихся, предназначенных явиться на свет в будущем?!* [Распутин 1989г]. Первичные образы ядра концепта, связанные с семемой «поучение», возникают во фрагментах о духовном поприще Сергия Радонежского: *Игумен Троицкой обители, основав ее и приняв братию, судя по сложившемуся о нем мнению, не учил внушением, меньше всего наставлял словом* [Распутин 1990б]. Связь лексемы «слово» с индоевропейским корнем *k¹leu- (: *k¹lou-) — «слышать», говорящая о родстве с русскими словами «слух», «слыть», «слава» [Черных 2004б: 176], прочитывается в рассуждениях о размывании *моральных границ жизни: когда имеющий уши да не слышит, когда слово «русское» немедленно трансформируется в нем в шовинизм, а слово «национальное» в национализм, поневоле придешь к выводу, что не истина, не духовное дело искусства интересует его, а нечто иное* [Распутин 1989а].

Видовой дефиниционный признак концепта «слово» — «звуковое выражение понятия» [Словарь русского языка 1987: 139] — эксплицирован автором на ситуацию современных экологических бедствий: *Экология стала самым громким словом*

на Земле, громче войны и стихии, она приближается к первым словам начинающих говорить и к последним словам умирающих. Звучащее на всех языках одинаково, оно выражает собой одно и то же понятие вселенской беды, никогда прежде не существовавшей в подобных масштабах и тяжести [Распутин 1989г]. Дефиниционный признак концепта — «высказывание, словесное выражение мысли, чувства» [Словарь русского языка 1987: 139] — необходим автору в описании алгоритма действий для восстановления, укрепления Отечества: *Не чудес следует ждать от России <...> нуждается она в нашем милосердии, в том, чтобы <...> как дыхание приняли мы ее в душу, заговорили ее словом, согласились на единые перемоги* [Распутин 1990в].

Представляя собой вербальный прототип, открывая возможности для миромоделирующего потенциала [Орлова 2011: 158], концепт «слово» транслирует интенционально заданные периферийные смыслы:

- 1) «слова истины», вместилище «старых» смыслов, «ценностей души»: *Если же начинаешь допытываться до старых их смыслов, говорить о вечности, о ценностях души, о единственно спасительных путях — неминуемо попадаешь в разряд ретроградов, реакционеров и обскурантистов. Ловкость прогрессистов, умеющих предавать дружной анафеме любого, кто пытается пользоваться памятью, а не запоминательством, словами истины, а не построений, чувствами глубинных заповедей, а не выносом времени, — ловкость эта удивительна и всесильна* [Распутин 1988б];
- 2) исцеляющая отечественная литература: *Несмотря на свою горячность, неистовость и разоблачительность, она писалась словом питательным, словно бы пропущенным через какой-то особый состав, который способен восстанавливать силы* [Распутин 1988б];
- 3) святоотеческое благословение, пророчество: *Не сразу благословил Сергей и князя Дмитрия на кровавую встречу с Мамаем, выпрашивая, все ли испробованы мирные пути, и видя, как много плетется по Руси мученических венков, а благословив и отпуская от себя князя, шепнул — вся правда тут в том, что шепнул, только что провидя: «Ты победишь». И такая сила была в этих словах, так они вошли в князя, что он «прослезился» и больше уже не позволял себе сомневаться в успехе. Иногда выбор судьбоносных решений зависит, казалось бы, от самого малого: неизвестно, осмелился ли бы Дмитрий Иванович перейти Дон и закрыть себе дорогу к отступлению, если бы не звучал в нем шепот Сергея* [Распутин 1990б];
- 4) сохраненное «заветное» слово, возвращенное с чужбины на Родину: *Там самые заветные слова и понятия были: Воссоздание, Возрождение, Воссоединение, там, как рассаду в домашних горшках, поддерживали святоотеческие корни, поливая их слезами чаяний и готовя для высева на Родине спасенные на чужбине ростки* [Распутин 1990а];
- 5) «родные слова», родная речь: *Человеческая душа не может быть необитаемой: из чего-то исходящей из нее энергии братья нужны. Но рядом с великими покойниками, рядом с согнутыми от бремени родительства отцом и матерью и рядом с примерными судьбами из настоящего там поселяются воспоминания, поступки, картины природы, про которые не напрасно*

говорят, что они западают в душу, родные слова и напевы — целый мир, собранный из самого лучшего и святого, трудящийся под покровительством того, к кому он тяготеет [Распутин 1990б];

- 6) громкое манипулятивное внушение, контрарное «тихим и кротким словам» старчества: *Нет, пожалуй, в цивилизованном мире ни одного политика, ни одного парламентария и делового человека, который бы по нескольку раз на дню не произносил слово «экология». В политических кругах им начинают спекулировать, в деловых — подменять выгодным содержанием и обрацать, как это ни парадоксально, против природы; в кругах защитников природы оно стало синонимом нашей беспомощности, поскольку с экологией на устах, как с именем Христа в эпоху крестовых походов, продолжают твориться преступления. Исключаявленное и истрепанное, оно, это слово, само, кажется, предложило себе замену, отвечающую действительному характеру событий, — выживание [Распутин 1990б];*
- 7) маркер патриотических идей: *Меня задело в одной из статей утверждение о том, что слово «патриот» в русском языке не должно иметь первого лица. Это значит, что никто из нас не вправе сказать: «Я патриот», а может надеяться, что кто-то скажет о нем: «Ты — патриот», или после смерти напишут в прощальном слове: «Он был патриот» <...> На первый взгляд, тут есть здравый смысл. Казалось бы, это не так существенно. Важно быть патриотом по характеру и целям своей деятельности, а не считаться им, важно внести свою долю в патриотическое сознание и деяние, а оценку себе можно и не давать. Важен результат, а не обозначение [Распутин 1988а];*
- 8) наименование явлений, соединяющих духовное и мирское: *Еще и слово «интеллигент» не проросло в России, а направление, связанное с этим понятием, жило и теплело жизнь, вбирая в себя духовное и мирское, учительное у одного и отзывчивое у другого. В нем словно бы свершилось таинство брака между мирским и духовным, русский доморожденный ум, как, впрочем, и поступок, не могли тогда не находиться под сенью духа <...> Настоящий интеллигент <...> не брал на себя роль умственного центра, такового ходячего штаба, а жил в беспрестанных трудах во имя смягчения нравов, врачевания больных душ и мрачных сердец [Распутин 1988а];*
- 9) «мыслящий» маркер нравственного духовного (русского) пространства, отсутствующий в безнравственной политике: *Когда слово «интеллигенция» пришло и было оседлано для целей противоположных, чем отечественное сознание, оно, слово, как бы само не согласилось с уготовленной ему участью войти в политический словарь и попросило нравственного убежища. Это не единственный случай, когда язык проявляет волю <...> произошло именно волеизъявление слова, перерастание его из форменного и неудобного смысла в более широкое и сродственное [Распутин 1988а];*
- 10) символ экологической катастрофы, горя, объединившего славянские народы: *Разве Чернобыль, этот символ возмездия, не носил в имени своем общее наше слово, и разве смертоносный пепел Чернобыля обошел Россию? [Распутин 1992б].*

Концепт «слово», обладающий референтными связями с любой сферой жизни, профессионально близкий литератору, отвечающий духу корпоративного писательского издания, возможно, не слишком скованный научной институциональностью, стал самым частотным элементом в структуре метаконцепта «язык». Прототипичные слои, дефиниционные признаки, интерпретационные поля концепта метонимически эксплицируют важные для содержательной и технологической организации авторской публицистики ментальные сущности (память, провидение), объекты вещного мира (бытовая и природная предметность), социальные явления (нравственная эмиграция, брак ума и духа). Ядерные и периферийные области концепта коррелируются с интенциональными установками автора и специфической, с одной стороны, просветительской, объяснительной, с другой — внушающей, убеждающей, побуждающей риторикой иркутской корпоративной газеты, ставшей в июне 1988 г. одним из первых в стране публичных рупоров православно-патриотических идей.

Второй по частотности манифестант — концепт **ЯЗЫК** — имеет несколько этимологических слоев, сохраненных и трансформированных в перестроечной аналитике В. Распутина. Первый слой исторической семантики — «орган вкуса и речи» [Черных 2004б: 467] — в немногочисленных идиомах реализует образную и ценностную составляющую концепта, например рисуя экологические судьбы человечества: *Можно ли говорить сегодня об этом как о чем-то уже состоявшемся, что человек окончательно сдался, что начертанные ему заветы уже никогда не будут исполнены? Чей язык повернется, чтобы произнести подобный приговор, ведь жизнь продолжается, продолжается и борьба* [Распутин 1988б]; характеризуя субъектно-объектные отношения внутри историко-политических процессов: *Об этом невольно задумываешься, переживая славянский раскол, казалось бы, неделимого целого внутри страны. Страна эта, чтобы не ломать язык аббревиатурой, по роли и по весу называлась в совокупности Россией, и, надо надеяться, не от ревности к названию внутреннее славянство решило расплевататься с собственно Россией* [Распутин 1992б].

Второй слой исторической семантики концепта «язык» — «речь <...> то, что связывает людей, соединяет их в народ, в племя» [Черных 2004б: 468] — формирует образную и ценностную стороны концепта [Воркачев 2016: 18] в авторском дискурсе. Этот слой исторической семантики создает семантические и коннотационные приращения на периферии концепта «язык»:

- 1) доказательство родства славянских народов, гарант сохранения славянских этносов: «Москали», «москальство» — *кривитесь вы вслед нам, как врагам своим. Нам не впервой слышать такое. Разве далеко обращаться за памятью к Киевской Руси, откуда разошлись мы на три стороны с одним и тем же лицом и языком, и разве только с возвращением от Литвы и Польши начинается ваша народность?* [Распутин 1992б];
- 2) инструмент духовного объединения славян: *выход не в крайностях, а посредине — в организации духовного союза народов, семейственных по вере, языку и происхождению, для защиты и приумножения (и обмена с другими) вверенных им лучших даров* [Распутин 1992б];
- 3) возможность сохранить ментальность: *Там кусками души писали (И. Шмелёв): «Это слово каждый таил в себе, не поминали всуе. За что же болеть-биться?*

за что же — “себя отвергнуть”? <...> За наше небо, за грозы-зори, за счастье говорить и думать на моем чудесном языке...» [Распутин 1990а].

Как видим, ядро концепта «язык» актуализирует историческую, глубинную семантику, одновременно приобретая этносозидающий потенциал, являя духовную и соборную составляющую русского этноса.

Дефиниционный признак концепта «язык» — «слова, разговор, то, что говорят» [Словарь русского языка 1988: 714] — связан в аналитике В.Распутина со способностью языка быть транслятором, во-первых, противоречивой советской идеологии: *Я не собираюсь обелять партию <...> Она и доброе дело творила тяжёлым, косным языком, который не воспринимался нами* [Распутин 1992а], отраженной в разрушительном новоязе как инструменте политического насилия: *Или тот язык, который теснил мову, был русским? <...> Так же, как над мовой, это новоречие издевалось и над русским языком, языком Пушкина и Тютчева, Тургенева и Лескова, Толстого и Бунина, Гоголя и Чехова, Шмелёва и Ильина, вытравливая в нем трепетность, чуткость, звучность, точность, глубину, самородность и облик несущего его народа. Неужели забыли вы, что, когда русские писатели-деревенщики достали этот язык из бабушкиного старья и вынесли читателю, над ними измывались так же, как и над вашими письменниками?* [Распутин 1992б]; и во-вторых, современной политической манипуляции: *Наблюдал, как заграничная интеллигенция из «беспредельщиков» подтравливала отечественную, которая продолжала петь одним языком, но втайне отращивала другой. И вот он теперь загрохотал на печатных, эфирных и асфальтовых площадях* [Распутин 1990б].

Словарная дефиниция «язык, свойственный кому-л., манера говорить, выговор» [Словарь русского языка 1988: 714] приобретает вполне жесткую политико-идеологическую трактовку. Язык характеризуется как инструмент насильственного изменения государственной политики: *Вздывив Русь, Петр передел ее в чужое платье и обьязычил на чужой манер, но не в его власти было переменить характер и душу. Под немецким платьем, путаясь в немецких словах, душа, надорванная сомнениями, лишь калечилась, но не улучшалась* [Распутин 1989б].

Дефиниционные признаки лексемы «язык» — «система словесного выражения мыслей, обладающая определенным смысловым и грамматическим строем и служащая средством общения людей» [Словарь русского языка 1988: 780], «система знаков (звуков, сигналов), передающих информацию; то, что служит средством бессловесного общения; то, что выражает или объясняет собою что-л.» [Ефремова 2000: 1076] — позволяют описать уникальную модель *иноческого языка*, центром которой является дух инока, *земного ангела. Освобожденный, высветленный и възыскующий дух инока* становится языком, воплощенным в понятных мирянину знаках — видениях и чудесах. Надмирный дух-язык опосредует связь между «горним» и «дольним». Он наполняет смыслом и значимостью житийные тексты, делает узанным имя святого, описывает облик *небесного человека* — совершает то, для чего естественный язык *тщетен* [Распутин 1990б].

Таким образом, дефиниционный признак системности коррелируется с концептами духовно-религиозной сферы «дух», «душа», «православие», «вера». Связь позволяет распознать в языке, отшлифованном мастерами большой литературы, при этом не выведенном из храма и настроенном на *молитвенный лад*, высшую

духовную составляющую русского этноса. Трактовка языка как духовного элемента этноса соответствует интенциональным установкам автора: пробудить национальное самосознание через интерес к духовной культуре, обратить внимание на историю русского православия с помощью понятных и необычных языковых аналогий.

Итак, публицистический дискурс В. Распутина эксплицирует как минимум три социально ответственные функции языка. Во-первых, язык действует как этносозидающая сила, с помощью которой нация сохраняется в чрезвычайных ситуациях: во время этнических распрей, роста политического насилия, расшатывания государственных устоев. Во-вторых, с помощью собственных антиномий язык способен объективировать противоречивые экстралингвистические реалии, иллюстрировать социальную предметность. В. Распутин показывает, как естественный язык метафоризирует и предметно эксплицирует собственные «двойничества» [Пекарская 2010]: свойство языка сочетать устойчивое и изменчивое автор использует в рассуждениях о славянской семейственности и политической манипулятивности; единство идеального и материального представляет в семиотической модели горнего мира; сплав индивидуального и коллективного демонстрирует в размышлениях о славянском общенациональном «портрете»; сопряжение природного и артефактного изображает во фрагменте о насильственном изменении государственной политики. В-третьих, с помощью парадигм естественного языка может быть объяснено устройство высших коммуникативно-семиотических систем. Предлагая модель иноческого языка, публицист вводит духовное пространство в картину мира читателя и национальную картину мира, при этом концепт «язык» предстает как совершенный полизнаковый конструктор для опосредованной коммуникации воцерковленного человека с Богом.

Концепт **звук** представлен в перестроечной публицистике В. Распутина лексемами «звук» и «звучание», которые с XI в. в древнерусском языке [Черных 2004а: 320–321], а затем и в русском подаются как синонимичные: «Звук, м. <...> 2. То же, что: звучание» [Ефремова 2000а: 548], «Звучание ср. <...> 2. То же, что: звук» [Ефремова 2000а: 549]. В свою очередь, лексема «звучание» в одном из значений переносит звук из пространства слуховых ощущений в пространство идеологии, когнитивистики: «Звучание, ср. <...> 3. перен. Направленность, смысл, значение чего-л.» [Ефремова 2000а: 549]. Указанное переносное значение актуализируется В. Распутиным при использовании обеих лексем — «звук» и «звучание», формирует образную и ценностную составляющую концепта «звук» [Романцова 2020].

Так, основной дефиниционный признак лексемы «звук» — «волнообразно распространяющееся колебательное движение материальных частиц упругой среды, воспринимаемое органами слуха; слуховое ощущение, вызываемое таким движением» [Ефремова 2000а: 548] — наполняется в публицистике особым значением и духовным смыслом, когда речь идет о русском зарубежье: *Там, в рассеянии, оторванные от собственно России, не представляли, как можно без нее выжить, и строили Россию духовную, создаваемую из воспоминаний и надежд, из веры, обычаев и союзничества, из родного звука и слова, из старинных названий и имен, проносимых, как заклинание...* [Распутин 1990а]

Основной дефиниционный признак лексемы «звучание» — «процесс действия по знач. глаг.: звучать (1)», т.е. «издавать, производить звук, звуки» [Ефремова 2000а: 549] — получает социальный акцент, когда речь идет о самосознании жен-

щины в переломную для России эпоху: *Бессознательно она нащупывает в себе еще не отмершие совсем, еще болящие окончания своей второй, природой намеченной фигуры, как бы контурно располагающейся внутри фигуры телесной, но только бессознательно вслушивается в странное резонирующее звучание, не понимая его смысла. Фигура в фигуре — это не тип «матрешки», как может показаться кому-нибудь насмешнику, а что-то вроде носимого в себе женщиной прообраза богородичного склада* [Распутин 1990б].

Концепт «звук» получает интерпретационные приращения, транслирующие авторское видение проблем национального и духовного самоопределения:

- 1) языковой ресурс для осмысленного структурирования социально важных идей; оценка потери духовных ценностей, отразившейся в языке народа, который когда-то жаждал нравственного врачевания и духовной зрелости, а теперь оставил православные идеалы: *Не по княжескому же распоряжению крестьянин получил свое имя от христианства, для этого надо было выработать в себе все смысловые звуки, чтобы выговорилось слово. И посмотрите: как только засохли они, опало и слово, оставив по Сеньке и шапку — неудобовыговариваемое и механическое «аграрник»* [Распутин 1990б];
- 2) отголосок древней памяти человека о гармонии с природой: *Звучат еще порой в нем невнятно и отрывисто душевные струны, которые волновали его предка, околдованного шумом леса и плеском воды, и нынешний человек способен, естественно, расстроганно внимать звукам и краскам уцелевшего боголепия, до которого не дошли пока его руки <...>* [Распутин 1990б];
- 3) совокупность звуков, звучание, маркирующее социально-оценочные смыслы, идеологические установки: *Удивительно, что это узнавание по «лицу» на многие времена передалось и нам... и мы, не всегда умея объяснить, почему Герцен — интеллигент, а Лесков не интеллигент, по одному лишь звучанию имени знаем, кто есть кто, имя несет в себе, как тавро, определенный знак принадлежности или непринадлежности к интеллигенции* [Распутин 1990в]; *Ну хоть бы из подобия справедливости делили патриотизм на «нормальный» и «ненормальный», как делалось еще недавно — нет, ныне одно лишь «звучание» этого слова, «тембр голоса», доступные россиянину, вызывают ярость* [Распутин 1990в];
- 4) показатель глубокой духовной культуры народа: *Культура народа, как сумма этических и эстетических ценностей, показывает в его прошлом, настоящем и будущем слишком многое. Она есть мера глубины и состоятельности, прочности и талантливости народа. Звук образной отзывчивости — это эхо отзывчивости сердечной. Культура возникла и веками развивалась, как музыкальное сопровождение человека, как постепенное и таинственное извлечение его нетелесной фигуры* [Распутин 1989а];
- 5) гармония классической русской поэзии, отвергнутая современностью: *Пушкин и Лермонтов не могут быть слышны, потому что их звуки, какими бы ни считались они чудными, не имеют достаточного количества децибел <...>* [Распутин 1989а];
- 6) метафора истинного искусства: *Искусство держит оборону малыми силами, но они сегодня и есть искусство, способное не поддаваться на дешевые*

соблазны. Тот, кто от имени искусства организует шоу с красотками, похож на спекулянта, торгующего чужими ценностями. Чистые звуки творятся чистыми руками [Распутин 1989а];

- 7) образ массовой культуры: ...для утвердившихся ныне теоретиков и практиков искусства прогрессивное движение его заключается в постоянной смене звуков и линий, духа и смысла. Современное для них — это новое, заменившее вчерашнее, как день сменяет день, следующее поворотам вкусов [Распутин 1989а];
- 8) мера нравственности в современном автору социуме: *Не стану утверждать, что мы самый нравственный народ в мире, особенно теперь, когда и нравственность из образа перешла в звук, но русская мысль тогда в вопросах духовно-нравственного бытия человека сказала так много, что могла бы считаться катехизисом новейшего времени. Предреволюционному обществу нужно было заткнуть уши, чтобы не услышать ее предупреждений и отделаться бранью* [Распутин 1988б].

Таким образом, лексема «звук» активизируется в аналитике двумя способами: как структурная когнитивная метафора [Кубрякова 2014: 432] и как метонимический прием, с помощью которого идейные и духовные ценности соотносятся с областью слуховых ощущений. Концепт «звук» метонимичен и метафоричен, он эксплицирует самосознание и идейные поиски социума, интеллект и духовную культуру народа, его творческие достижения.

По данным лексикографических источников, смысловое ядро концепта **речь** исторически близко значению старославянских и древнерусских (с XI в.) лексем «слово», «речь», «беседа», «дело», с XIV в. — семантике слова «вещь» [Черных 2004б: 114–115].

Из дефиниционного состава концепта наиболее актуально для публициста значение «слова, разговор, то, что говорят || Разг. Беседа, разговор» [Словарь русского языка 1987: 714]. Это значение довольно часто работает в аналитике без интенциональных приращений: *О каком вести теперь речь духовном объединении, о цивилизации, о теплом православном домостроительстве, которые славянство могло предложить миру, если и разделенного меж собою в религиях Христа не перестают они делать орудием мести!..* [Распутин 1992б]

Однако к словарной дефиниции примыкают авторские оценочные смыслы, если публицист рассуждает о сомнительной ценности исторических предсказаний, неглубокой, несостоятельной оценке Россией своих политических действий: *Во множестве раздаются устные и печатные речи, что наконец-то маленькая, страдавшая в неволе Болгария присоединится к другим славянским народам и прильнет к родственному могучему телу России <...> Достоевский в это время пишет: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобожденными...»* [Распутин 1992б] — или о речевом продукте, отражающем идеологические установки автора: *Наследников двух старых интеллигенций отличить ныне легко — по лицам, выражающим склад души, по речам и деяниям* [Распутин 1990в].

Таким образом, концепт «речь» связан с ментальным пространством: историческими и политическими предсказаниями, концептуально оформленными идеями.

Как показал анализ проблемных статей и очерков В. Распутина периода ЛИ, этнокультурная, духовно-нравственная проблематика в них представлена группой репрезентантов метаконцепта «язык» с объяснительными, иллюстративными, просветительскими, риторическими целями. Открытый диалог автора с читателем, развернутые рассуждения, включающие метафорические и метонимические модели толкования и оценки сложной социально-исторической предметности, совместный поиск литератором и мыслящими читателями ценностных ориентиров в период государственного переустройства (в духе традиций отечественной литературы и публицистики) не только увеличивали когнитивный потенциал распутинской публицистики, но и укрепляли доверие читателя к местному корпоративному изданию.

О необыкновенной популярности ЛИ, каждый номер которого выходил в свет тиражом от пяти до десяти тысяч экземпляров и мгновенно расхотился по Сибири, Европейской России и русскому зарубежью, свидетельствует активная читательская поддержка. В трудное для газеты время материальная помощь приходила от известных и неизвестных адресантов из городов и сел Сибири, Центральной России, Хакасии, Японии, Америки: «Редакция “Литературного Иркутска” искренне благодарит Людмилу Золотовскую, Веронику и Глеба Лукашевичей, Николая Калянина, Олега Реутта, Анну Горбачевич, Людмилу и Бориса Максимовых, Веру и Николая Троицких, Веру и Евгения Карповичей, Алексея Зайцева, Таисию Заречняк и других русских американцев, оказавших материальную поддержку “Литературному Иркутску”, благодаря которой может выйти этот номер газеты» [Объявления 1992а]; «Благодарим за материальную помощь читательницу и друга нашей газеты из Японии Харуко Ясуока» [Объявления 1992б]; «Редколлегия газеты горячо благодарит патриотов, пожелавших остаться неизвестными, за крупную материальную помощь, благодаря которой вышел этот номер» [Объявления 1993а]; «Редакция сердечно благодарит А. М. Крутову из Иркутска, Татьяну Васильевну Шилову из Ангарска, Л. Ф. Нечаеву из Брянска, неизвестного пожертвователя из Печор Псковской области, А. Б. Шарова из Москвы, Барабашева из Иркутска за материальную помощь нашей газете» [Объявления 1993б]; «Редакция “Литературного Иркутска” благодарит за материальную поддержку газеты русских американцев Веру Карпович, Бориса Максимова и епископа Владыку Митрофана Зноско-Боровского (все — США), а также соотечественников: В. М. Дорофеева (с. Кошелиха Нижегородской обл.), Н. В. Новикову (Брянск), Истомина (с. Арбаты, Хакасия)» [Объявления 1993в].

Несмотря на периодические редакторские и составительские ротации, разную компоновку, риторику и верстку номеров, ЛИ на протяжении пяти лет сохранял верность изначально выбранным редакционным принципам: связывать социальные проблемы с вопросами христианской морали, обращаться к духовным «ценностям, выверенным многовековым народным опытом» [Объявления 1989].

Выводы

Как следует из проведенного анализа, метаконцепт «язык» в аналитике В. Распутина конца 1980-х — начала 1990-х годов представлен группой концептов, обладающих высоким прагматико-коммуникативным, просветительским, объясни-

тельным потенциалом, поддерживающим внушающую, убеждающую и побуждающую риторику иркутской корпоративной газеты.

Концептуально важные для авторской публицистики ментальные сущности (память, провидение, предсказание, концептуально оформленные идеи) метонимически объективируются с помощью концептов «слово» и «речь». Детализация и объективация философских, нравственных установок автора происходит посредством сопряжения ядерных, приядерных и периферийных областей концептов «слово», «язык» с образами вещного мира (бытовая и природная предметность) и социальных отношений (нравственная эмиграция, брак ума и духа). Включение духовного пространства в сознание читателя и национальную картину мира, устройство метафизических коммуникативно-семиотических систем, моделирование иноческого языка создается в публицистике В. Распутина с помощью концепта «язык». Самосознание и идейные поиски социума, интеллект и духовная культура народа, его творческие достижения, идейные и духовные ценности метонимически и метафорически соотносятся с концептом «звук».

Политематичная, многопредметная экспликация метаконцепта «язык» соответствует интенциональным установкам автора конца 1980-х годов: пробудить национальное самосознание, возродить интерес к русской духовной культуре и классическому искусству, вернуть соотечественника к привычным нравственным ценностям для сохранения этноса, обратить внимание на историю русского православия с помощью понятных и необычных языковых аналогий. Авторские интенции коррелируются с патриотическим модусом дискурса ЛИ: посредством слова литераторов и публицистов способствовать возрождению национального самосознания читателя.

Региональная популярность ЛИ, расширение круга читателей за счет творческой, научной, культурной элиты страны и зарубежья объясняются дерзким проблемно-тематическим вызовом корпоративной газеты публичному пространству, удивительным просветительским потенциалом издания, непривычной ротацией редакторов и составителей, отразившейся на разнообразии тем, несходстве риторических моделей редакторского диалога с аудиторией. В газете писателей, где литературный текст получил модусные характеристики публицистического, а публицистический — эстетические признаки художественного, одинаково важными стали осознание значительности, единство цели читающего и пишущего, идейно-ценностная и пространственно-географическая близость литераторов и аудитории, общественное признание и профессиональный статус постоянных авторов. К числу таких авторов относился В. Распутин, чьи проблемные статьи и очерки с помощью множественных репрезентантов метаконцепта «язык» бережно и филигранно моделировали ценностную картину мира и духовное пространство русской православной Сибири, Центральной России и зарубежья.

Литература

- Абрамова, И. А. (2009). Формирование концепта «Язык» в сознании учащихся: анализ школьных учебников. *Лингвокультурология*, 3, 5–9. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kontsepta-yazyk-v-soznanii-uchaschihsya-analiz-shkolnyh-uchebnikov>.
- Боровкова, Е. В. (2008). «Язык — речь — слово» — центральные концепты языковой картины мира педагога-словесника. *Мир русского слова*, 4, 98–100. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-rech-slovo-tsentralnye-kontsepty-yazykovoy-kartiny-mira-pedagoga-slovesnika>.

- Воркачев, С. Г. (2008). *Идея патриотизма в русской лингвокультуре*. Волгоград: Парадигма.
- Воркачев, С. Г. (2016). *Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 20 (2), 17–30.
- Вылегжанина, И. А., Кусова, М. Л. (2014). Лингвокогнитивный подход в обучении русскому языку. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 2, 103–115.
- Гутовская, М. С. (2007). Концепт «речь» в русской языковой картине мира и его место среди других понятий «народной лингвистики». *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*, 2, 63–70. Электронный ресурс <http://elib.bsu.by/handle/123456789/13587>.
- Жуйкова, О. В. (2017). Особенности вербализации концепта «язык» посредством метафор цвета в языковой картине мира В. фон Гумбольдта. *Коммуникативные исследования*, 4 (14), 90–96.
- Исакова, А. А. (2016). Концепт «коми язык» в региональном русскоязычном газетном дискурсе. Ч. 1. *Грамота*, 2 (56), 101–104. Электронный ресурс <https://www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/28.html>.
- Каминский, П. П. (2012). *«Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина*. Москва: Флинта; Наука.
- Костина, А. Г. (2005). «Вначале было слово»: (русское) слово в концептосфере повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». *Записки Горного института*, 236–238. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/vnachale-bylo-slovo-russkoe-slovo-v-kontseptosfere-povesti-v-rasputina-doch-ivana-mat-ivana>.
- Кубрякова, Е. С. (2014). Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты). В *Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 4, 429–450. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-kognitivnyh-terminov-fragmenty>.
- Лихачев, Д. С. (1999). Концептосфера русского языка. В *Очерки по философии художественного творчества* (с. 147–165). Санкт-Петербург: Блиц. Электронный ресурс https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/ocherk_po_philos/13.pdf.
- Милованов, Г. Н. (2006). Родной язык. В *Антология концептов. Т. 3* (с. 39–50). Волгоград: Парадигма.
- Орлова, О. В. (2011). Медиаконцепты как смысловые доминанты современного медиадискурса: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. В *Картины русского мира: современный медиадискурс* (с. 157–171). Томск: ИД СК-С.
- Пекарская, И. В. (2010). Выявление специфики русской языковой картины мира через репрезентацию концепта «язык» в паремиологической сфере: к постановке проблемы. *Вестник ЧитГУ*, 4 (61), 41–47.
- Плотников, И. В. (2018). Концепты «память» и «язык» в поэтическом цикле И. Бродского «Часть речи». *Филологический класс*, 1 (51), 43–47.
- Полиниченко, Д. Ю. (2004). Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Полиниченко, Д. Ю. (2005). Язык. В *Антология концептов. Т. 1* (с. 333–347). Волгоград: Парадигма.
- Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2003). *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Истоки.
- Романцова, Т. Д. (2020). Концепт «звук» в публицистике В. Распутина конца 1980-х — начала 1990-х годов. *MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность*, 2, 114–119.
- Саматов, К. (2018). Концепты «язык» и «слово» в языковой картине мира. *Вестник КРСУ*, 18 (1), 95–99.
- Слышкин, Г. Г. (2004). Лингвокультурные концепты и метакоцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Смирнова, Ю. Г. (2017). Концепт «язык» в прозе Сергея Довлатова. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, 22-1, 233–238.
- Тавдгиридзе Л. А., Стернин И. А. (2006). Русский язык. В *Антология концептов. Т. 3* (с. 6–39). Волгоград: Парадигма.
- Тубалова, И. В., Эмер, Ю. А. (2016). Концепт «национальный язык» в зеркале белорусских СМИ. *Русин*, 4 (46), 276–293.
- Федоров, Д. А. (2015). Концепт «язык» в «риторическом цикле» сочинений Цицерона. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 7 (1), 125–129.

Источники

- Ефремова, Т. Ф. (2000а). В *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А — О*. Москва: Русский язык.

- Ефремова, Т. Ф. (2000б). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2: П* — Я. Москва: Русский язык.
- Объявления (1989). *Литературный Иркутск*, март.
- Объявления (1992а). *Литературный Иркутск*, июль.
- Объявления (1992б). *Литературный Иркутск*, сентябрь.
- Объявления (1993а). *Литературный Иркутск*, март.
- Объявления (1993б). *Литературный Иркутск*, апрель-май.
- Объявления (1993в). *Литературный Иркутск*, июль.
- Распутин, В. Г. (1988а). Патриотизм — это не право, а обязанность. *Литературный Иркутск*, март.
- Распутин, В. Г. (1988б). Из глубин в глубины. *Литературный Иркутск*, декабрь.
- Распутин, В. Г. (1989а). Культура: левая, правая где сторона? *Литературный Иркутск*, март.
- Распутин, В. Г. (1989б). Смысл давнего прошлого. Религиозный раскол в России. *Литературный Иркутск*, май.
- Распутин, В. Г. (1989в). Cherchez la femme. Вечный женский вопрос... *Литературный Иркутск*, октябрь.
- Распутин, В. Г. (1989г). Сумерки людей. *Литературный Иркутск*, декабрь.
- Распутин, В. Г. (1990а). О чем звонят колокола... *Литературный Иркутск*, март.
- Распутин, В. Г. (1990б). Ближний свет издалека. *Литературный Иркутск*, апрель.
- Распутин, В. Г. (1990в). Из огня да в полымя. Интеллигенция и патриотизм. *Литературный Иркутск*, декабрь.
- Распутин, В. Г. (1992а). Своя свое не познаша... *Литературный Иркутск*, январь.
- Распутин, В. Г. (1992б). Что дальше, братья-славяне? *Литературный Иркутск*, апрель.
- Распутин, В. Г. (1993). Та ли Россия? *Литературный Иркутск*, июль.
- Словарь русского языка в четырех томах* (1987). Т. III: П — Р. Москва: Русский язык.
- Словарь русского языка в четырех томах* (1988). Т. IV: С — Я. Москва: Русский язык.
- Черных, П. Я. (2004а). *Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1: А — Пантомима*. Москва: Рус. яз. — Медиа.
- Черных, П. Я. (2004б). *Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2: Панцирь — Ящур*. Москва: Рус. яз. — Медиа.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2021 г.;
рекомендована в печать 23 мая 2021 г.

Контактная информация:

Романцова Татьяна Дмитриевна — канд. филол. наук, доц.; t100562@yandex.ru

Meta-concept “language” in the newspaper publication of V. Rasputin of the late 1980s — early 1990s: Cognitive-praxeological aspect

T. D. Romantsova

Irkutsk State University,
8, ul. Lenina, Irkutsk, 664025, Russian Federation

For citation: Romantsova, T.D. (2021). Meta-concept “language” in the newspaper publication of V. Rasputin of the late 1980s — early 1990s: Cognitive-praxeological aspect. *Media Linguistics*, 8 (3), 219–236. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.302> (In Russian)

In this article, the manifestants of meta-concept “language” in the problematic articles and essays of V. Rasputin of the perestroika era are correlated with the system of national and spiritual values described in connection with the problems of publications, the author’s intentions and the format of the newspaper *Literary Irkutsk* of the Irkutsk Regional Writers’ Organization. It is noted that the representatives of meta-concept “language” are included in the historical-philosophical, church-religious, national-cultural analytics and artistic journalism of Rasputin in connection with the educational, ideological, spiritually creative attitudes of the

author and the corporate publication. It has been established that mental entities that are conceptually important for the author's journalism (memory, providence, prediction, conceptually formed ideas) are metonymically objectified using the concepts "word" and "speech". The elaboration and objectification of the author's philosophical, moral attitudes occurs through the conjugation of the nuclear, circumnuclear and peripheral areas of the concepts "word", "language" with the images of the material world and the objectivity of social relations. The inclusion of spiritual space in the consciousness of the reader and the national picture of the world, the device of metaphysical communicative-semiotic systems and modeling of the monastic language is created in publications using the concept of "language". Self-awareness and ideological searches of society, intellect and spiritual culture of the people, their creative achievements, ideological attitudes are illustrated by metonymic and metaphorical correlation with the field of auditory sensations of the interpretive field of the concept "sound". From a praxeological standpoint, the author's communicative and stylistic techniques as well as pragmatically oriented editorial technologies consisting of the selection of the editorial team and the system of rotation of the editors-compilers were evaluated. It is shown that the model of a joint search for values by the public, the publicist and the publication increased the cognitive potential of newspaper materials and strengthened the reader's confidence in the local corporate press.

Keywords: journalism, V. Rasputin, concept, *Literary Irkutsk*, praxeology.

References

- Abramova, I. A. (2009). Formation of the concept "Language" in the minds of students: analysis of school textbooks. *Lingvokul'turologiia*, 3, 5–9. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kontsepta-yazyk-v-soznanii-uchaschihsya-analiz-shkolnyh-uchebnikov>. (In Russian)
- Borovkova, E. V. (2008). "Language — speech — word" — the central concepts of the language picture of the world of a teacher-language teacher. *Mir russkogo slova*, 4, 98–100. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-rech-slovo-tsentralnye-kontsepty-yazykovoy-kartiny-mira-pedagogoslovesnika>. (In Russian)
- Fedorov, D. A. (2015). The concept of "language" in the "rhetorical cycle" of Cicero's works. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 7 (1), 125–129. (In Russian)
- Gutovskaia, M. S. (2007). The concept of "speech" in the Russian linguistic picture of the world and its place among other concepts of "folk linguistics". *Vestnik Belaruskaga dzjarzhavnaga universiteta. Ser. 4: Filalogiia. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2, 63–70. Retrieved from <http://elib.bsu.by/handle/123456789/13587>. (In Russian)
- Isakova, A. A. (2016). The concept of "Komi language" in the regional Russian-language newspaper discourse, pt. 1. *Gramota*, 2 (56), 101–104. Retrieved from www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/28.html. (In Russian)
- Kaminskii, P. P. (2012). *"Time and Burden of Worry"*. *Publicism of Valentin Rasputin*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Kostina, A. G. (2005). "In the beginning there was a word": the (Russian) word in the concept sphere of V. Rasputin's story "Ivan's Daughter, Ivan's Mother". *Zapiski Gornogo instituta*, 236–238. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vnachale-bylo-slovo-russkoe-slovo-v-kontseptosfere-povestiv-rasputina-doch-ivana-mat-ivana>. (In Russian)
- Kubriakova, E. S. (2014). A short dictionary of cognitive terms (fragments). *Metod: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*, 4, 429–450. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-kognitivnyh-terminov-fragmenty>. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1999). The concept of the Russian language. In *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* (pp. 147–165). St. Petersburg: Blic Publ. Retrieved from https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/ocherk_po_philos/13.pdf. (In Russian)
- Milovanov, G. N. (2006). Native language. In *Antologiiia kontseptov*, vol. 3 (pp. 39–50). Volgograd: Paradigma Publ. (In Russian)
- Orlova, O. V. (2011). Media concepts as semantic dominants of modern media discourse: life cycle and world-modeling potential. In *Kartiny russkogo mira: sovremennyi mediadiskurs* (pp. 157–171). Tomsk: ID SK-S Publ. (In Russian)

- Pekarskaia, I. V. (2010). Revealing the specifics of the Russian linguistic picture of the world through the representation of the concept “language” in the paremiological sphere: to the formulation of the problem. *Vestnik ChitGU*, 4 (61), 41–47. (In Russian)
- Plotnikov, I. V. (2018). The concepts “memory” and “language” in I. Brodsky’s poetic cycle “Part of speech”. *Filologicheskii klass*, 1 (51), 43–47. (In Russian)
- Polinichenko, D. Iu. (2004). *Natural language as a linguocultural semiotic concept (based on the Russian and English languages)*. PhD Thesis. Volgograd. (In Russian)
- Polinichenko, D. Iu. (2005). Language. In *Antologiya kontseptov*, vol. 1 (pp. 333–347). Volgograd: Paradigma Publ. (In Russian)
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2003). *Essays on Cognitive Linguistics*. Voronezh: Istoki Publ. (In Russian)
- Romantsova, T. D. (2020). Concept “sound” in journalism V. Rasputin of the late 1980s — early 1990s. *ME-DIAObrazovanie: media kak total'naya povsednevnost'*, 2, 114–119. (In Russian)
- Samatov, K. (2018). The concepts “language” and “word” in the linguistic picture of the world. *Vestnik KRSU*, 18 (1), 95–99. (In Russian)
- Slyshkin, G. G. (2004). *Linguocultural concepts and meta-concepts*. PhD Thesis. Volgograd. (In Russian)
- Smirnova, Iu. G. (2017). The concept of “language” in the prose of Sergei Dovlatov. In *Lingvitoricheskaia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 22-1, 233–238. (In Russian)
- Tavdgiridze L. A., Sternin I. A. (2006). Russian language. In *Antologiya kontseptov*, vol. 3 (pp. 6–39). Volgograd: Paradigma Publ. (In Russian)
- Tubalova, I. V., Emer, Iu. A. (2016). The concept of “national language” in the mirror of the Belarusian media. *Rusin*, 4 (46), 276–293. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2008). *The idea of patriotism in Russian linguoculture*. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2016). Ex pluribus unum: Linguocultural concept as a synthesis education. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, 20 (2), 17–30. (In Russian)
- Vylegzhanina, I. A., Kusova, M. L. (2014). Linguo-cognitive approach in teaching Russian. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta*, 2, 103–115. (In Russian)
- Zhuikova, O. V. (2017). Features of the verbalization of the concept “language” by means of color metaphors in the linguistic picture of the world by W. von Humboldt. *Kommunikativnye issledovaniia*, 4 (14), 90–96. (In Russian)

Received: March 5, 2021

Accepted: May 23, 2021

Author’s information:

Tatiana D. Romantsova — PhD in Philology, Associate Professor; t100562@yandex.ru